

Дитя эпохи отстоя

Дыховичный размазал всех старых, но не всех новых русских

Екатерина Сальникова

Эпоху 70-х годов сейчас любят изображать со светлой ностальгией. Нельзя сказать, что лакировка ближней истории создает глубокое искусство. Однако противоположный вариант рождает кино еще менее умное и тонкое. Оно-то и предьявлено Иваном Дыховичным в фильме «Копейка» по сценарию Владимира Сорокина.

Через приключения первого автомобиля «ВАЗ-2101», именуемого «копейкой», прослеживается жизнь его хозяев, а вместе с нею – история страны. Из чего же состоит все это по Дыховичному? Из паноптикума со свинными рылами советских и постсоветских монстров. Брутальный и тупой антиэстетизм объединяет всех в одну нацию уродов, не людей.

Все смотрят одно фигурное катание. Бравый военный, попав в больницу по вине дочки номенклатурщика, переливает полученное в подарок импортное пиво в сосуд для мочеиспускания – и дует пиво оттуда, не мучаясь никакими ассоциациями. Пенсионеры мечтают стать фигуристами «в телевизоре»: и уже видят, как их забрасывают колбасой и сосисками за «показательное выступление». Кагэбэшник (Андрей Краско) тайком читает в гараже «Архипелаг ГУЛАГ». А дочка кагэбэшника идет в проститутки и трясется в «копейке» над клиентами, укутанная в русский пуховый платок. Ученый (Олег Ковалов) пишет на снег сразу готовыми формулами научных открытий. Всем снятся дикие сны и мерещатся жуткие

«Моральный кодекс» строителя коммунизма. Цена – копейка.

Независимая - 2002 - 31 мая - с. 8.

глупости, где грязная кровь, мерзкий секс и идеологический маразм образуют полуфабрикат подсознания.

Когда-то нас пугали разлагающимся и загнивающим Западом. Теперь интеллигенция стала сознательнее и уже без директив свыще пугает себя ликом своего народа, себя самой и своей страны. Дыховичный всю дорогу показывает, что все наше прошлое и нынешнее бытие – история разложения и загнивания в прямом смысле слова. Режиссер старается сделать так, чтобы персонажи и ситуации вызвали физическое отвращение. Но попутно возникает отвращение и к самой режиссуре.

В жизни советского народа и интеллигенции было много чу-

довищных подробностей. Страна не была прекрасной и не была гуманной. Но она объективно была и остается великой. В ней было много нормальных и талантливых людей. Эти прописные истины остались за бортом режиссерского стиля и мысли. Надо очень сильно ненавидеть кумиров прошлого, чтобы вывести у себя в фильме Владимира Высоцкого как мелкого алкоголика, который пребывает в невменяемости, пока одни им восторгаются, а другие перетаскивают под руки с места на место. Конечно, будучи актером Театра на Таганке, Иван Дыховичный посмотрелся на обратную сторону дарования и темперамента Высоцкого. Однако правда заключается в том, что не эта

обратная сторона, а трагизм самоощущения личности был выражен в свое время Высоцким. И именно это позволяет назвать его центральным героем эпохи. Дыховичный тоже работал в том же театре, и обаяния у него всегда было много. Но апофеозом его артистизма осталась роль Коровьева в «Мастере и Маргарите». А Высоцкий стал великим советским Гамлетом. И сейчас «Копейка» выглядит запоздалой завистью и жалкой местью чужой славе и чужому таланту.

Все самые примитивные банальности в обрисовке социальных типов лезут на зрителя в «Копейке» сверхкрупными планами. По концепции Дыховичного, в России есть два класса –

братва и быдло. Их жизнь надо показывать с презрительным смехом, а смерть – с плотоядным элорадством. Внутренняя суть эпохи «застоя», как пытается проповедовать фильм, – начало эры полного «отстоя», длящейся и по сей день. Судя по почерку, режиссер сам является истинным чадом этой эры, протекающей в его отдельно взятом внутреннем мире. Вообще, видимо, вся нормальная часть российской нации должна перед Дыховичным извиниться – за то, что не укладывается в его концепцию.

А самое смешное то, что Дыховичный успевает дронуть от зависти и к новым русским. К финалу возникают два персонажа, об которых у режиссера не хватает духа вытереть ноги. Крутой бизнесмен и прекрасная манекенщица. Оба красивы и, чувствуется, умны. Они успели полюбить друг друга. В краткой истории их взаимоотношений ощущается трогательное соперничество автора. Вот, оказывается, что способно прорваться к заскорузлой душе режиссера – наивный сюжет о страсти очень богатого мужчины и его смерти на руках очень красивой женщины. Стало быть, все же есть у Ивана Дыховичного заветный идеал. На тему такого идеала может снять фильм любой новый русский – он сам себя и профинансирует. В таком новом русском и душевный надрыв без всяких репетиций крутые сутки живет. Он вам еще и «Чуть помедленнее, кони!» поет. Он не будет издеваться над Высоцким. Он его любит и уважает. Он ведь ему не завидует, а думает, что он с ним одной крови. ■